

— Эй, наконец-то одумался? Юань Ган и Пэй Сяоцинь давно заслужили наказания. С твоими словами сегодня, можешь быть уверен, что когда ты их снова увидишь, они будут послушны, как шёлковые.

Видя, что Юань Иян не шутит, Чжан Миншань тоже засмеялся, хлопая себя по груди и давая обещание.

Чжан Миншань наблюдал, как фигура Юань Ияна становилась всё меньше, пока не исчезла из виду, после чего закрыл дверь, выпрямился и направился внутрь дома.

Вечерний закат пробивался через окно, освещая простую обстановку комнаты: полуновый стол, старомодное кресло, и единственное, что привлекало внимание — огромная книжная полка, занимавшая целую стену, резко контрастируя с бильярдным залом неподалёку.

У книжной полки стоял высокий мужчина, держа в руках книгу, его длинные ноги слегка скрещены, он непринуждённо облокотился на стол. Черты его лица были выразительными, глубокие глаза, высокий нос и тонкие губы. Вечерний свет, падающий из окна, окутывал его тёплым сиянием, создавая ощущение полного спокойствия.

Услышав звук закрывающейся двери, мужчина оторвал взгляд от книги, его карие глаза лениво устремились на Чжан Миншаня, и низкий, бархатистый голос произнёс:

— Он ушёл?

Чжан Миншань кивнул, положил бумажный пакет на стол и сказал:

— Ушёл.

Не дожидаясь вопросов, он подробно пересказал суть визита Цзян Ю.

Мужчина поднял бровь, закрыл книгу и вернул её на полку, спокойно сказав:

— Ах, тогда сделай, как он просил.

— Фэн Гэ, может, стоит послать кого-то проверить...

Чжан Миншань не закончил фразу, так как мужчина жестом остановил его.

Тао Ифэн, не изменив выражения лица, с едва заметной улыбкой в глазах сказал:

— Не надо, он никуда не денется.

Сегодня для всей семьи Цзян был важный день. Цзян Чжэнь и Тан Сяосяо официально принимали в семью приёмного сына. Этим сыном был Юань Иян. Из-за того, что события прошлого были связаны с множеством секретов, Цзян Чжэнь и Тан Сяосяо пока не раскрывали его истинную личность.

Для семьи Цзян любые серьёзные изменения могли напрямую повлиять на акции компании. До аварии Цзян Ци был воспитан как будущий наследник семьи, и его уже знали в обществе. К тому же Цзян Ци обладал коммерческой хваткой, с детства обучаясь у Цзян Чжэня, и недавно, в свой восемнадцатый день рождения, он помог семье выиграть небольшой проект, заслужив одобрение профессионалов.

Общественное мнение о Цзян Ци было высоким, и внезапное раскрытие личности Юань Ияна могло вызвать колебания акций. Поэтому этот вопрос нужно было решать постепенно, дожидаясь, пока Юань Иян тоже проявит себя в бизнесе, и только тогда можно будет объявить о его статусе. До этого момента Юань Иян должен был жить в семье Цзян как приёмный сын.

По указанию Тан Сяосяо слуги семьи Цзян с прошлого вечера начали готовиться: закупали продукты, убирали и украшали комнаты, работая без передышки.

Цзян Ю, глядя на величественный особняк, внутри оставался равнодушным, но внешне изображал изумление и восхищение. Заметив это, слуги, наблюдавшие за ним украдкой, с презрением усмехнулись: этот внезапно появившийся приёмный сын действительно был из трущоб, ничего не видевший в жизни.

Семья Цзян, ожидавшая у входа, тоже не пропустила выражение в глазах Юань Ияна. Тан Сяосяо не придавала этому значения, скорее, ей стало жаль сына. Цзян Ци сохранял доброжелательную улыбку, делая вид, что ничего не замечает. Только Цзян Чжэнь, гордясь собой, не смог скрыть некоторого презрения к поведению Юань Ияна.

Цзян Ю, замечая все эти взгляды, не спешил. В конце концов, деревенщина должен вести себя как деревенщина. В сюжете, когда Юань Ияна только привезли домой, несмотря на любовь Тан Сяосяо и Цзян Чжэня, слуги под влиянием Цзян Ци не раз ставили ему палки в колёса.

Ведь как внутри семьи, так и снаружи Цзян Ци был старшим сыном Цзян Чжэня и Тан Сяосяо. Изначально Тан Сяосяо предлагала постепенно раскрыть личность Юань Ияна, но тогда Цзян Ци так очаровал предыдущего хозяина, что тот сам предложил не оглашать его статус.

А позже, по замыслу Цзян Ци, Юань Иян не раз оказывался в неловких ситуациях, становясь посмешищем, и его статус в глазах Цзян Чжэня и Тан Сяосяо резко упал. Со временем об этом перестали говорить, и в конце концов, поскольку Юань Иян всегда оставался приёмным сыном, его внезапное исчезновение и возвращение в трущобы не вызвало никакого резонанса в высшем обществе. В конце концов, приёмный сын — это всего лишь приёмный сын, кто будет заботиться о его судьбе?

Полностью игнорируя окружающие взгляды, Цзян Ю сохранял в глазах искренний восторг, а на лице — натянутую сдержанность, когда Тан Сяосяо ввела его в дом. На длинном столе уже был накрыт изысканный завтрак, готовый к подаче.

Цзян Чжэнь сидел во главе стола, Тан Сяосяо рядом с ним, а Цзян Ци занял место слева от них. Цзян Ю спокойно сел напротив Цзян Ци. На столе лежали идеально испечённые круассаны, источающие аппетитный аромат, а в изящных стеклянных бокалах налито тёплое молоко.

Позавтракав, Цзян Ю с удовольствием прищурился, напоминая кота, насытившегося после еды.

После завтрака Тан Сяосяо собрала нескольких главных слуг и представила их Цзян Ю, после чего вместе с Цзян Чжэнем отправилась в компанию. Вскоре после их ухода Цзян Ци тоже уехал в школу, и в огромном доме Цзянов остался только Цзян Ю.

Цзян Ю не стал церемониться, не стал ждать, пока его проведут по дому, а сел в гамаке в саду, продолжая свою привычку читать утреннюю газету. Тёплые солнечные лучи освещали его, создавая ощущение полного покоя.

Однако это спокойствие длилось недолго. Через десять минут позади него раздался старческий голос:

— Господин Юань, хозяйка перед уходом велела показать вам дом. У вас есть время сейчас?

Цзян Ю едва слышно вздохнул. Почему кто-то всегда хочет испортить ему настроение. Он закрыл газету, снова изобразив на лице ожидание и с радостью в голосе спросил:

— Можно? У меня есть время.

В сюжете, когда предыдущий хозяин только оказался в доме Цзянов, произошло то же самое. Он был замкнутым и неразговорчивым, и, внезапно оказавшись в незнакомой обстановке, которая была недоступна ему в первые восемнадцать лет жизни, чувствовал себя неуютно. После отъезда Цзян Чжэня, Тан Сяосяо и Цзян Ци слуги специально создавали атмосферу отчуждения, что вызывало у него неуверенность и страх. Тогда старый дворецкий сам заговорил с ним и быстро завоевал его доверие.

Цзян Ю не спеша последовал за старым дворецким, который привёл его в гостиную и, указывая на семейную фотографию, висевшую на самом видном месте, с ностальгией начал объяснять:

— Это фото сделали недавно, в день восемнадцатилетия молодого хозяина. Жаль, что вас тогда ещё не было, иначе на этой фотографии мог бы быть и вы.

Слушая старика, Цзян Ю едва сдержал смех. Этот старик был довольно забавным, почти прямо сказав, что он здесь лишний. Но этот трюк сработал бы на предыдущем хозяине, а на Цзян Ю не произвёл ни малейшего впечатления. Ему было всё равно на эту фотографию, да и на весь дом Цзянов он с самого начала не обращал внимания.

Затем старый дворецкий достал из стеклянного шкафа несколько толстых альбомов, в которых были либо семейные фото Цзянов, либо снимки Цзян Ци с детства. В сопровождении рассказов старика, произносимых с пафосом, Цзян Ю слушал с интересом, но на его лице сохранялось выражение разочарования.

<http://bllate.org/book/16238/1459611>